DOI: 10.17976/jpps/2021.04.06

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Д. Лейн

ЛЕЙН Дэвид, почетный исследователь Колледжа Эммануэля, Кембриджский университет, член Академии общественных наук, Кембридж (Великобритания), email: dsl10@cam.ac.uk

Лейн Д. Цивилизация и капиталистическая глобализация. – Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 58-75. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06

Статья поступила в редакцию: 21.02.2021. Принята к публикации: 12.04.2021

Аннотация. В статье рассматривается подъем цивилизаций как экономических систем. Предметом авторского обсуждения являются четыре основания экономики урбанистической индустриальной цивилизации: рыночное общество, индустриализм, капитализм и социализм. Показано, что "классический либерализм" имеет сходные с "классическим марксизмом" посылки: секуляризм, рационализм, гуманизм и свободу. Обе эти философские школы рассматривали Просвещение как движение, ведущее к универсальной цивилизации. Теории "индустриального общества" описывают, как формирование современной цивилизации принимает глобальную форму. В этом контексте экономической основе универсальной цивилизации противостоят альтернативные формы капитализма. Либеральные и социалистические формы индустриальных и постиндустриальных обществ претендуют на то, чтобы быть самостоятельными формами цивилизации. Тем не менее автор утверждает, что конфликты между различными "разновидностями капитализма" являются не "столкновением цивилизаций", а проявлением различий их геополитических интересов, и заключает, что общество государственного социализма представляет собой иной цивилизационный тип индустриального общества.

Ключевые слова: цивилизация, капитализм, культура, марксизм, Поланьи, Валлерстайн, социализм, Китай.

Если раньше в фокусе дискуссий о политической идентичности находились государства в рамках их географических границ, в настоящее время акцент сместился на группы народов, разделяющих схожие ценности и убеждения, основанные на языковых и религиозных предпочтениях, истории и культуре. Такие кластеры, зачастую включающие в себя ряд обществ и государств, называются цивилизациями. Иммануил Валлерстайн определяет основные компоненты цивилизации как "уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и 'высокой'), которая формирует ту или иную историческую целостность..." [Wallerstein 1991: 215]. Это определение включает три элемента, формирующих особую историческую формацию: политическую и экономическую структуру, психологические ориентации и культуру. Цивилизации – общества со скоординированными и воспроизводящимися моделями материального производства, социальности, управления, ценностной системы и культуры. Культура – часть цивилизации; это язык, верования, обычаи и "образ жизни" общества как целого.

Для объяснения возникновения и развития цивилизаций ученые обращаются к двум основным институциональным комплексам: политическому и экономическому. Согласно политическому объяснению современная западная цивилизация

эволюционировала от феодализма через национальное государство [Mann 1986]. Национальное государство принесло с собой грозную администрацию и организованную силу, которые позволили ему распространять и насаждать особый тип институтов и ценностей: особую цивилизацию. С позиций экономического институционального комплекса, который является предметом исследования в данной статье, первостепенная роль приписывается изменениям, происходящим в экономической жизни общества. Тип экономики порождает богатство, технологии (которые лежат в основе военной мощи национального государства) и образ жизни, определяющие цивилизацию. Кумулятивные изменения, формирующие мировую историю, привели к появлению современной "западной" цивилизации. С этой точки зрения рассматриваются не отдельные культурные "цивилизации", а возникновение общего типа индустриальной экономики, т.е. универсальной цивилизации, которая пронизывает национальные государства и ранее существовавшие культуры.

Однако есть различные мнения относительно того, что формировало эту цивилизацию: является ли она урбанистически-индустриальной формой культуры или же образуется путем распространения рыночного общества и капиталистической конкуренции? Рацио и научный подход были основополагающими элементами мышления эпохи Просвещения: менее развитый мир следовал примеру европейского Запада. Просвещение стало этапом на пути к универсальной цивилизации, поскольку оно преодолевало традиции и культуры прошлого, на смену которым должно было прийти "новое универсальное сообщество, основанное на разуме" [Gray 2002: 2]. Ожидалось, что мир урбанистической цивилизации будет построен на экономической основе. Но что составляет эту основу? Есть три разных подхода: рыночное общество, индустриализм и капитализм.

РЫНОЧНАЯ ОСНОВА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Согласно Карлу Поланьи, "...контроль со стороны рынка над экономической системой имеет определяющее значение для всей организации общества и по меньшей мере означает управление обществом как придатком рынка. Вместо встраивания экономики в систему социальных отношений социальные отношения встраиваются в экономическую систему. Иными словами, не экономика встраивается в социальные отношения, а социальные отношения – в экономическую систему... Эта экономическая система организована в виде самостоятельных институтов, основанных на определенной мотивации и их особом в ней статусе. Общество должно быть сформировано таким образом, чтобы позволить этой системе функционировать в соответствии с ее собственными законами... поскольку рыночная экономика может функционировать только в рыночном обществе" [Polanyi 2001: 60][1].

Лишь интернационализация рынков благодаря торговле принесла с собой "цивилизационную" культуру. В рамках этой логики цивилизация в смысле образа жизни напрямую связывается с ее экономическим базисом. По мнению Поланьи, рынок является главным определяющим фактором.

Экономически рынок распространился через торговлю, что, в свою очередь, имело значительные социальные последствия; экономический либерализм повлиял на цивилизационную составляющую. Как отмечал Джон Стюарт Милль,

[1] Имеется иной перевод на русский язык данного фрагмента: (см. [Поланьи 2002: 70]) (*прим. ред.*).

"экономические преимущества торговли превосходят по своей значимости интеллектуальные и моральные" [Mill 1996: 594]. Согласно Миллю, либерализм всегда характеризовался экономическим миссионерским видением, нацеленным на продвижение как хорошего, так и процветающего общества. Адам Смит (1976) в "Богатстве народов" рассматривал "цивилизованное общество" как образованное коммерцией, торговлей и разделением труда; он считал ренту, заработную плату и прибыль тремя конституирующими гражданское общество порядками. Соответствующие источники дохода привели к появлению "трех великих, изначальных и составляющих каждое цивилизованное общество сословий" [Smith 1976: 265] (землевладельцев, наемных работников и капиталистов). Дальнейшее распространение социальных и политических выгод связано с выстраиванием сетевых взаимодействий между людьми, что, с одной стороны, способствуют обучению, а с другой – взаимопониманию. Итак, международная торговля играет важную цивилизационную роль; более того, по Миллю [Mill 1996: 593], в отношении ранее неразвитой страны она может иметь эффект "промышленной революции", поскольку новые объекты и "вкусы", предлагаемые международной торговлей, побуждают людей работать усерднее и увеличивать накопление капитала.

Дальнейшее распространение социальных и политических выгод связано с выстраиванием сообществ между людьми, что, с одной стороны, способствует обучению, а с другой – облегчает взаимопонимание. Таким образом, международная торговля играет важную цивилизаторскую роль. Согласно Миллю [ibidem], международная торговля может иметь эффект "промышленной революции" в ранее неразвитой стране, поскольку новые объекты и "вкусы", предлагаемые международной торговлей, побуждают людей работать усерднее и увеличивать накопление капитала.

Процветание одной нации зависит от процветания других. Их взаимный интерес, проявляющийся в торговле, "быстро делает войну неактуальной за счет усиления и умножения личных интересов, которые ей естественным образом противостоят" [ibid.: 594]. "Значительные масштабы и быстрый рост международной торговли" – это не только "гарантия мира во всем мире", но также "великая постоянная безопасность для непрерывного прогресса идей, институтов и характера человечества" [ibid.: 593-594].

Это международный, а не национальный сценарий. Торговля разрушила локальные традиционные культуры, исторически сформированные народами и ограниченные религией и языком. Апологеты свободной торговли восхваляют ее цивилизаторскую миссию, которая осуществляется посредством привносимых ею образа жизни, образования и христианской религии. Этот подход глубоко укоренился в предположении благожелательного превосходства западной цивилизации: свободная торговля принесет остальному миру те многочисленные преимущества, которыми уже пользуются доминирующие государства: все выиграют от разделения труда, а незападные общества будут преобразованы западной цивилизацией.

КЛАССИЧЕСКИЕ МАРКСИСТЫ: КАПИТАЛИЗМ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Капиталистическая индустриализация была формой экономики с положительными и благотворными результатами. Посредством инвестиций правящие классы обеспечили экономический рост, который укрепил промышленно развитые государства. Карл Маркс и Фридрих Энгельс поддерживали идеи

Просвещения, но привнесли в осмысление капитализма, основанного на идеях эксплуатации, более критический настрой, связав распространение индустриализации и рынка с империализмом и цивилизацией.

Маркс утверждал, что капитализм создает современное общество (основанное на науке, светское, экономически развитое и богатое, политически демократическое и социально "прогрессивное"). Многие исследователи (см., например, [Mills 1962: 23-24]) обращают внимание на сходство между "классическим либерализмом" и "классическим марксизмом", которых роднят приверженность секуляризму, рационализму, гуманизму и свободе, – четырем общим принципам Просвещения [ibid.: 25-26]; оно с этих позиций является этапом на пути к универсальной цивилизации.

Марксисты выявили дефект, противоречие в современном капитализме: он способствует освобождению человека через экономическую эксплуатацию [Therborn 2008: 68]. Как гласит "Коммунистический манифест" (1848), "Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию" [Маркс, Энгельс 1955: 428].

Не может быть "национальной" формы цивилизации, потому что классы, встроенные в способы производства, образуют цивилизации. Рост рынка имел как политические, так и экономические последствия. "...Крупная промышленность связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки во всемирный рынок, подготовила всюду почву для цивилизации и прогресса и привела к тому, что все, что совершается в цивилизованных странах, должно оказывать влияние на все остальные страны... Буржуазия уничтожила могущество аристократии, дворянства, отменив майораты, или неотчуждаемость земельных владений, и упразднив все дворянские привилегии. Она сокрушила могущество цехового бюргерства, упразднив все цехи и все привилегии ремесленников. На место тех и других она поставила свободную конкуренцию, т.е. такое состояние общества, при котором каждый имеет право заниматься любой отраслью промышленной деятельности, причем ничто не может ему в этом помешать, кроме отсутствия нужного для этого капитала" [Энгельс 1955: 326-327].

Капитализм XIX в., как отмечали Дж. Хобсон и В.И. Ленин в своих теориях империализма [Hobson 1902; Ленин 1969], носил интернациональный характер. Взаимодействие, порожденное торговлей, сблизило людей и нации. Основные компоненты империализма: растущая концентрация производства и капитала, при которой олигополия заменяет собой свободную конкуренцию; слияние банковского и промышленного капитала при растущем господстве банковского капитала; экспорт капитала, заменяющий экспорт товаров, – привели к разделу мирового рынка международными капиталистическими объединениями и завершению территориального раздела мира между капиталистическими державами. Национальные государства находились в средоточии этого анализа. Правительства сохранялись и определяли условия, на которых происходило

взаимодействие между странами. Государство оставалось главной юридической, политической и экономической единицей. Сторонами конфликтов и войн были государства, а не цивилизации. Капитализм был политически заключен в оболочку государственных структур; классы формировались на основе государств. Войны между ними оказывались, по мнению Елены Чебанковой, исключительно "внутрицивилизационными конфликтами", а не битвами цивилизаций [Chebankova 2021]. Перспектива универсальной цивилизации без войн открывалась, с точки зрения марксизма, лишь при социализме.

Несмотря на то, что Маркс обличал эксплуатацию, он считал ее прогрессивной. Например, во времена британской администрации в Индии, по словам Маркса, именно "действия английской паровой машины и английской свободы торговли" разрушили ее "маленькие полуварварские, полуцивилизованные общины" и произвели "величайшую и... единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией" [Marx 1853; цит. по: Маркс 1957: 135]. Люди в этих индийских общинах утратили "одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, – спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание" [ibidem].

И хотя, по мнению Маркса, Англия "руководствовалась самыми низменными целями", она была "бессознательным орудием истории, вызывая эту [фундаментальную социальную] революцию" в Индостане [ibid.: 136]. В этом отношении Маркс рассматривает новую технологию и экономику как новый образ мышления. Это уровень технологий, который рождает цивилизацию. Цивилизация определяется способом производства. Как заметил Виктор Кирнан [Kiernan 1983: 92], "Маркс заменил Бога технологией". Эта замена привела к появлению капиталистической цивилизации, которой было уготовано мировое господство.

Для более полного обсуждения этой цивилизации стоит обратиться к "Происхождению семьи, частной собственности и государства" Фридриха Энгельса (1884), где он проводит различие между дикостью, варварством и цивилизацией. Цивилизация знаменует собой "период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства" [Engels 1884: 16; цит. по: Энгельс 1961: 33]. "Цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе" [Engels 1884: 94; цит. по: Энгельс 1961: 173-174]. Впрочем, основу цивилизации составляли классовые отношения, которые привели к появлению рабства в Древнем Риме и Греции, что ознаменовало "первое крупное разделение общества на

эксплуатирующий и эксплуатируемый классы"; рабство, крепостничество и наемный труд – это "три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации" [Engels 1884: 95; цит. по: Энгельс 1961: 175]. Основой цивилизации, утверждает Энгельс, "служит эксплуатация одного класса другим ... все ее развитие совершается в постоянном противоречии" [Engels 1884: 95; цит. по: Энгельс 1961: 177]. В соответствии с этой логикой "цивилизация" представляет собой надстроечную форму способа производства. Маркс и Энгельс добавили к идее цивилизации классовый компонент: эмансипация эксплуатируемых могла быть достигнута только при социализме.

Социалистическое будущее, согласно представлениям последователей Маркса, преодолеет ограничения капитализма, уничтожая эксплуататорские элементы (господство капитала и рыночных отношений), которые изначально были необходимы для прогресса, но стали оковами развития. Социализм привлекателен не только в классовом, но и цивилизационном аспектах. С ним связываются надежды на освободительную миссию модернизации и развитие производительных сил. Но он обещает также рождение цивилизации, основанной на принципах взаимности и человеческого сотрудничества, без экономической эксплуатации: отмена эксплуатации разрешит противоречие капиталистических форм цивилизации. Коммунизм призван выполнить обещание Просвещения создать цивилизацию без эксплуатации и вместе с тем – глобальную по форме. Современная версия развития цивилизации приобрела несколько иные формы. Ее социологические черты можно обнаружить в идеях универсализирующегося индустриального общества, которые предшествовали идеям таких мыслителей, как Фрэнсис Фукуяма, пришедших к подобному же выводу, но в рамках идеализма.

Индустриальное общество как цивилизация

Альтернативная версия, лишенная марксистских основ, отражена в идеях об универсализирующемся индустриальном обществе и является развитием идеи Поланьи о рыночном обществе. Именно смещение акцента с экономики и международной торговли на общество сфокусировало внимание современной цивилизации на "процессе индустриализации". Как отмечали К. Кепр, Д.Т. Данлоп, Ф.Х. Харбисон и К.А. Майерс [Kerr et al. 1962: 28], "В наше время призрак коммунизма уже не бродит по Европе, скорее зарождающаяся индустриализация в разнообразных формах противостоит всему миру. Гигант индустриализации бродит по Земле, преобразуя почти все привычные черты старых и традиционных обществ". Для этих авторов индустриализация – это процесс перехода от традиционного общества к индустриальному; это цивилизационный процесс. Различия существуют (я обращаюсь к ним ниже), но в целом индустриализм создает универсальную форму общества, формирует цивилизацию. В современных обществах глобализация включает распространение не только экономических процессов (рынки товаров, труда и капитала), но также институтов (экономические корпорации), политики (конкурентная демократия / полиархия), урбанизации (нуклеарная семья), идеологии (консьюмеризм) и языка (английский). Развиваются массовая культура и потребительская этика. Глобальный рынок создает глобализирующуюся цивилизацию.

Обращаясь к работам таких ученых, как Кларк Кепр [Kerr et al. 1962] и Дэниел Белл [Bell 1961], можно выделить девять характеристик индустриальной цивилизации. Во-первых, население быстро растет и находится под кон-

тролем; размер семьи уменьшается, нуклеарная семья заменяет кровнородственную семью, женщины эмансипируются, а половые роли уравниваются. Во-вторых, имеет место диффузия политической власти, функции управления осуществляются конкурирующими элитами (полиархия), отвечающими перед более широкой общественностью, актуальным остается вопрос о правах человека. В-третьих, высоко развито разделение труда: в отношениях между людьми доминируют рыночные механизмы, а семья теряет свои прежние функции. Общественная иерархия, основанная на образовании и профессионализме, поощряет социальную мобильность. В-четвертых, в системе ценностей акцентируются трудолюбие, прогресс и наука. Идеологии укрепляют социальные структуры, но не стремятся их изменить. Религиозные и этические суждения фокусируются, в основном, на внутреннем мире человека, нежели на трансцендентном аскетизме [Kerr et al. 1962: 87]. Этика потребления является повсеместной и способствует экономическому развитию и росту. В-пятых, правовая система применяет универсалистские законы. На смену обычаям и социальным нормам приходят изменяемые законы, принимаемые властью в соответствии с международными законами и соглашениями. В-шестых, национальные правительства, которые ранее осуществляли власть в рамках национальных государств, теряют свои позиции, уступая глобальным политическим и экономическим организациям. В-седьмых, человеческие отношения конкретны и ориентированы на достижение результата. Преобладают ценности меритократии и равенства возможностей. В-восьмых, урбанизм порождает безличное, поверхностное и дифференцированное социальное общение. Коммуникации становятся непрямыми; в политической жизни доминируют посредники; печатные и электронные СМИ обеспечивают обезличенную глобальную информационную среду. Как заметил Луис Вирт [Wirth 1964: 75], “часы и светофор символизируют основу нашего социального порядка в городском мире”. Наконец, когда рынок приобретает глобальный масштаб, государственные границы теряют свою функцию и социальная, политическая и экономическая жизнь становится интернациональной.

Логика индустриальной системы создает “индустриальную цивилизацию”. Политическая власть становится рассредоточенной, управление требует участия, элиты сталкиваются с проблемами в области прав человека и обеспечения базового уровня жизни. Социальная структура дифференцируется, а мобильность все больше определяется образованием и способностями. Важнейшим оказывается формирование общей системы “цивилизационных” ценностей. Последствия такой “цивилизации”, как ясно, недооценивались: “Империя индустриализма охватит весь мир, и предписываемая ею унификация проникнет в самые отдаленные точки, а сфера ее влияния станет универсальной” [Kerr et al. 1962: 46]. Как либералы, так и марксисты [Wallerstein 1979; Hettne 2005] считали, что мир идет к универсальной цивилизации. Капиталистическая экономика охватывает “весь мир, включая государства, идеологически приверженные социализму” [Wallerstein 1979: 271][2]. Процессам глобализации способствовали прозрачные границы, сквозь которые проникают не только транснациональные компании и международные организации, но и культурные паттерны.

[2] Валлерстайн [1979: 280] утверждает, на мой взгляд, ошибочно, что социалистические государства – это соответствующие социальные движения, находящиеся у власти в государствах, являющихся частью единой капиталистической мировой экономики.

В политическом плане суверенитет национальных государств, установленный Вестфальским миром и международной правовой системой, заменяется стоящей над этими государствами системой, подконтрольной международным организациям и транснациональным корпорациям. Это стало очевидным по мере превращения интернационализма в духе Дж. Милля и В. Ленина в глобализацию. Последняя была определена как "исторический процесс, трансформирующий пространственную организацию социальных отношений и транзакций посредством порождения трансконтинентальных или межрегиональных сетей взаимодействия и осуществления власти" [Held, McGrew 1998: 220]. Глобализация ущемляет права государств, глобальный рынок, на котором доминируют транснациональные корпорации, создает цивилизацию глобального масштаба, а культура "индустриального общества" охватывает весь мир.

Этому тренду в значительной степени способствовало разложение системы колониального господства Великобритании и Франции, а затем и распад коммунистического блока. Деколонизация отделила зависимые государства от их имперских центров, а переход бывших плановых экономик к рынку осуществлялся в соответствии с правилами Бреттон-Вудских институтов. Как следствие, географическое пространство, незащищенное могущественными государствами, было заполнено западными транснациональными компаниями. Представительные демократии стали частью идеологического оружия неолиберальных государств. Возросла роль международных организаций (ВТО, ВБ, МВФ) как координирующих институтов в мировой экономике. Западные государства утратили способность координировать свою экономику, хотя их правоприменительные функции (в отношении рынка и частной собственности) были усилены. Во внешней политике они взяли на себя миссионерскую роль. Политики национального уровня вышли на уровень интернациональный. Средства массовой информации, все более транснациональные по структуре собственности и мировоззрению, заняли неолиберальные экономические позиции и пропагандировали идеологию потребления. По мере глобализации экономики государства уступали свою власть экономическим институтам (корпорациям и международным координирующим органам), религия вытеснялась наукой, а на смену местным обычаям приходила общая глобализированная культура.

Эти экономические и политические изменения происходили одновременно с развитием классовых структур мирового капитализма и детерриториализацией социального класса. Ввиду аутсорсинга и бегства производства из ведущих индустриальных государств Запада класс лиц физического (ручного) труда сконцентрировался в развивающихся странах Юга. Одновременно класс капиталистов отделился от "национальной почвы" и приобрел интернациональный характер. Ряд авторов, в том числе Лесли Скляр [Sklair 2002], утверждали, что глобализированный капиталистический класс теперь включает глобальные экономическую и политическую фракции, а также глобальные СМИ. Во всех развитых странах, начиная с 1970-х годов, значительно снизилась идеологическая приверженность религии, а также радикальной и консервативной политике, ушла в небытие традиционная партийная политика. Акцент в образе жизни сместился с работы на потребление. Удешевление производства в сочетании с доступностью кредита способствовало возникновению общества потребления. Западные общества процветали, их экономическая и политическая модель стала образцовой как для развивающихся, так и для посткоммунистических стран. Консьюмеризм был воз-

веден на уровень идеологии. Торговые центры заменили церкви как средоточие радостно-торжественной стороны общественной жизни. Однако еще предстоит выяснить, ведет ли все это к всемирной универсальной капиталистической цивилизации, способной включить в себя культурное многообразие, или же – к миру конкурирующих типов цивилизаций.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ ИЛИ КОНКУРИРУЮЩИЕ ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Страны доминирующего экономического и политического ядра мировой системы во главе с Соединенными Штатами, прежде всего Европейский союз и Япония, узаконили свою гегемонию через социально-политическую теорию неолиберализма. Социологический дискурс переместился от "индустриального общества" к неолиберальному "царству свободы", "в котором люди... больше не сражаются и работают как можно меньше" ([Fukuyama 1993: 287], одобрительно ссылающийся на Александра Кожева). Неолиберализм не знает национальных границ; его заповеди универсальны в продвижении ценностей свободы и личного благополучия. Всеобщей свободы можно достичь только через открытые рынки, конкуренцию, частную собственность и этику потребления. Интернационализацию капитализма также предсказывали марксистские теоретики мир-системы (см., например, [Wallerstein 1979: 13, 271]), которые утверждали, что даже самоопределяющийся социалистический блок будет включен в мировую капиталистическую систему, поскольку сам он является не отдельной экономической системой, а лишь другой составной частью этой мировой капиталистической системы. Общества государственного социализма, утверждали они, не являют собою пример социалистического способа производства, но существуют во взаимодействии с капиталистической мировой экономикой и формируются ею. Социалистические страны, такие как СССР и КНР, определялись ими как часть полупериферии, иногда называемой "промежуточными регионами" [Hettne 2005: 279]. Такие государства, несмотря на проявление некоторых черт социализма (например, гарантия занятости и всеобъемлющая система социального обеспечения), стали ключевыми игроками капиталистического накопления, что, в свою очередь, послужило основой для их реинтеграции в мировую капиталистическую систему. С цивилизационной точки зрения теоретики мир-системы представляли универсальную капиталистическую цивилизацию как включающую разнородные культурные и экономические сегменты.

На момент написания в 1992 г. Фрэнсисом Фукуямой своего бестселлера "Конец истории и последний человек" американская гегемония Запада в военной, политической, экономической и культурной сферах казалась неоспоримой. Государственная социалистическая альтернатива была демонтирована. Китайская экономика приняла рыночные реформы и перешла к приватизации собственности. Россия переходила к рыночной экономике. Европейская социал-демократия превратилась в неолиберализм. Евросоюз принял неолиберальную хартию, и к нему должны были присоединиться бывшие социалистические государства Центральной Европы. Глобализирующийся неолиберализм входил в зенит своего влияния. Спорный вопрос заключается в том, приведет ли данный процесс к возникновению универсальной мировой капиталистической цивилизации, включающей многообразие культур, или – к типологическому многообразию конкурирующих цивилизаций.

Глобализирующийся неолиберализм был провозглашен высшей цивилизацией. Для эффективного процветания рыночному обществу требовалась

социальная и политическая надстройка, которая была найдена в гражданском обществе, верховенстве закона, доминирующих социальных классах и идеологии. Однако, в отличие от классического либерализма, эти компоненты приобретали глобальный охват, а в цивилизационном аспекте неолиберальный мировой порядок допускал множественность различных культур. Развитие электронных технологий позволило добиться значительных успехов в сокращении временны*х* и пространственных масштабов. Лидерство передовых технологий западного происхождения, экономической и военной мощи Запада, продвигаемых им политических процедур и потребительской идеологии казалось незыблемым, а соответствующие убеждения получили широкое распространение в конце XX в.

На этом фоне постулирование цивилизационной альтернативы, основанной на традиционных ценностях или альтернативной марксистской версии универсализма, считалось безрассудным занятием. Идеи возрождения *The Anglosphere*[3] или же евразийства (в версии Александра Дугина) не имели большого влияния. Нормы неолиберального глобализированного капитализма столкнулись с традиционными исторически детерминированными цивилизациями, которые демонстрировали вплетенные в историю культурные формы идентичности и укоренившийся в географическом пространстве язык; они также сохраняли традиционные религиозные и семейные ценности, патриархальные авторитарные формы политики и коллективистскую идеологию.

РАЗНОВИДНОСТИ КАПИТАЛИЗМА ИЛИ РАЗНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

К 2020-м годам глобализированный неолиберализм и как теория, и как способ выстраивания общественно-экономических отношений утратил свои позиции. В этом контексте государства и группы государств ищут идеологическую идентичность для обновленной легитимации своего политического и экономического суверенитета. Навязанное неолиберализмом обещание универсальной постиндустриальной формы капитализма, предвещаемое такими учеными, как Фукуяма, оспаривается в рамках нового цивилизационного дискурса. Проблема заключается в изменении диспозиции основных держав. Экономическая гегемония глобального ядра (*global core*), стран, сгруппированных вокруг США, находится под угрозой. Обращение к цивилизационной самобытности – одна из форм, которые может принимать такая идентичность. Национальная история и цивилизационный статус интерпретируются в интересах легитимации текущих политических и экономических нужд. Традиционные культурные формы идентичности и современные институты объединяются в цивилизационном дискурсе. Современные идеи не отбрасываются, а по-новому включаются в процесс укрепления национальных социальных институтов.

В качестве цивилизационной концепции неолиберальный мировой порядок может включать множество различных культур, и этот аргумент распространен среди тех, кто утверждает, что экономическая модернизация не требует трансформации иных, кроме экономического, аспектов общества. Происходит взаимопроникновение между новыми формами капитализма и традиционными обществами, и цивилизация перестает быть связанной

[3] Англосфера (*The Anglosphere*) – группа англоязычных стран, разделяющих общие культурные и исторические связи с Соединенным Королевством, поддерживающих с ним сегодня тесное политическое, дипломатическое и военное сотрудничество. Не тождественна сообществу стран, где английский является официальным языком (лишь часть его).

с какой-либо определенной экономической базой – капиталистической или социалистической; политическая интерпретация подменяет экономическое различение. Джон Грей [Gray 2002: 4-5] утверждает, что мировая экономика не делает уникальный режим "демократического капитализма" универсальным. Даже в условиях глобализации капитализм пропагандирует разнообразные новые типы режимов. Строящаяся в настоящее время глобальная экономика не гарантирует будущего свободного рынка. Она скорее породит новую конкуренцию между сохраняющимися социальными рыночными экономиками и свободными рынками, в ходе которой первые будут коренным образом реформированы или разрушены.

Ситуация предстает не столкновением цивилизаций, а конфликтом между различными геополитическими интересами, что является естественной формой взаимоотношений между капиталистическими странами.

Однако экономики встроены в политические и социальные институты, которые обеспечивают лидерство, научные инновации, социальную сплоченность и/или формы разделения и конфликта. Важными компонентами, способствующими сплочению общества, являются государство, класс и идеология (особенно религия). Способы сборки этих институциональных кластеров порождают различные "разновидности" капитализма, и эти разновидности обеспечивают основу для разнообразных культурных комплексов, на которые ссылается Джон Грей и которые он называет "цивилизациями". Питер Холл и Дэвид Соскис ([Hall, Soskice 2001]; см. также [Hancke, Rhodes, Thatcher 2007]) считают определяющим фактором способы координации деятельности фирм. Они рассматривают два идеальных типа такой координации в рамках современного капитализма: либеральную рыночную экономику (ЛРЭ) и координированную рыночную экономику (КРЭ), иногда называемые организованными рыночными экономиками. Модель либерального рынка применяется в англосаксонских обществах – США, Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Фирмы здесь работают на конкурентных рынках во всех сферах экономической жизни, при этом главными экономическими индикаторами являются цены, предложение и спрос. Между институтами и процессами существует высокий уровень взаимодополняемости. Такие экономические системы отличаются высокой капитализацией фондового рынка, низким уровнем поддержки занятости, высоким уровнем оплаты наемного труда и значительным неравенством доходов. Для экономики характерны слияния и поглощения, которым способствует фондовая биржа; профсоюзы слабы, а труд не гарантирован. Рынок – главный инструмент экономической координации.

В координированной экономике отношения между фирмами регулируются через множество нерыночных отношений. К ним относятся сетевой мониторинг, основанный на обмене частной информацией и отношениях сотрудничества (а не конкуренции) внутри и между фирмами. Для Холла и Соскиса [Hall, Soskice 2001] примерами таких систем являются Германия, Дания, Франция и Япония. У них высокий уровень поддержки занятости, низкая капитализация фондового рынка, относительно меньшая продолжительность рабочей недели и сравнительно умеренное неравенство доходов. Слияния и поглощения компаний происходят относительно редко, и профсоюзы защищают интересы трудящихся. Экономика координируется через вертикальные или горизонтальные ассоциации фирм. Хотя Холл и Соскис [ibidem] указывают на различия внутри подтипов этих экономик (например, Япония и Германия, – с одной стороны,

Великобритания и США – с другой), по мнению этих ученых, сходство между присущими им механизмами координации и взаимодополняемости позволяет говорить о двух родственных типах экономики.

Концепция "разновидностей капитализма" подвергается существенной критике даже со стороны ее приверженцев. В настоящей статье мы рассмотрим два основных направления такой критики. Во-первых, анализ касается лишь одной особенности капиталистической экономики – процессов координации деятельности фирм. Каким бы важным и показательным ни был этот элемент экономической системы, он все же является лишь одним из измерений капитализма, а это означает, что данный анализ смешивает очень разные типы обществ. При использовании других критериев Япония и Германия реализуют различающиеся типы государственного обеспечения и по-разному участвуют в международной экономике. Великобритания, Канада и Соединенные Штаты также значительно отличаются по критериям благосостояния и глобального влияния. Во-вторых, отраслевой профиль (высокие технологии, первичные производители), влияние на мировую экономику, движущие силы накопления (компании, классы, государство), формы инноваций и образования, так же как и типы собственности и контроля, способствуют многообразию классификаций и комбинаций стран.

Дэвид Коутс [Coates 2000] и Бруно Амабл [Amable 2003] расширили область анализа, включив в нее конкуренцию на товарном рынке, наемный труд и институты рынка труда, сектор финансового посредничества, корпоративное управление, социальную защиту и государство всеобщего благосостояния [ibid.: 14]. Подобно анализу Холла и Соскиса [Hall, Soskice 2001], эти типологии институционально взаимодополнительны. Различные группы обществ имеют сходные экономические, политические и социальные институты: их объединяет внутренняя согласованность системы капитализма. Амабл [Amable 2003] выделяет пять типов капитализма. *Рыночная экономика* эквивалентна либеральной рыночной экономике Холла и Соскиса. Как и в случае капитализма во главе с рабочими (по Коутсу), отличительными чертами *социал-демократической* модели являются средняя гарантированная занятость, высокий уровень социального обеспечения, повсеместная переподготовка рабочих и скоординированная система переговоров по заработной плате. *Система континентальной Европы* похожа на социал-демократическую, но институты государства всеобщего благосостояния здесь менее развиты, финансовая система способствует долгосрочным корпоративным стратегиям, переговоры по заработной плате координируются, а для обеспечения занятости существует меньше возможностей, чем в социал-демократическом типе. В отличие от континентально-европейской, *средиземноморская модель* обеспечивает большую защиту занятости и меньшее социальное обеспечение, ограниченность навыков и необразованность рабочей силы не позволяют реализовать промышленные стратегии, предполагающие высокие зарплаты и высокую квалификацию. *Азиатская модель* (вариант капитализма во главе с государством, по Коутсу) "сильно зависит от бизнес-стратегий крупных корпораций в сотрудничестве с государством и централизованной финансовой системой" [ibid.: 15]. Труд защищен за счет возможностей для переподготовки и корпоративной карьеры. Социальная защита отсутствует, финансовые рынки относительно неразвиты, стабильность обеспечивается самими крупными корпорациями.

Общей чертой всех этих подходов является то, что они в основном касаются развитых капиталистических стран с относительно высоким уровнем

развития рынка, которые также прошли длительный исторический путь как капиталистические страны, в которых более или менее присутствуют (принимая различные формы) все компоненты капитализма. Эти подходы выдержали интерпретацию современного капитализма как цивилизации, сформированной многочисленными разновидностями.

Джон Грей [Gray 2002: 13] подверг критике фундаментальную связь между (капиталистическими) рынками и обществом, которую он называет "марксистской интерпретацией Поланьи". Такая связь, по его словам, имела место только в условиях, сложившихся в Англии в XIX в. "Страны континентальной Европы обладали рыночными экономиками, но нерыночными обществами. Они остались таковыми и по сей день" [ibid.: 12]. Вслед за Сэмюэлем Хантингтоном [Huntington 1996: 41] Грей отвергает идею о возможности существования "универсальной мировой цивилизации. Этот аргумент не может быть подтвержден" [Gray 2002: 12]. Грей и Хантингтон подходят к цивилизациям с точки зрения культуры, которая может включать широкий спектр обществ. Для Хантингтона "цивилизация – это культура в целом" [ibidem]. Такой подход слишком широк и приводит к определению любой самобытной культуры как "цивилизации". Хантингтон насчитал таковых восемь: западную, африканскую, китайскую, индуистскую, исламскую, японскую, латиноамериканскую и православную.

Представление о "разновидностях капитализма" обеспечивает альтернативную интерпретацию, которая ближе идее о том, что развитые индустриальные (или постиндустриальные) общества могут различаться в плане структур и процессов, что обуславливает разнообразие "цивилизаций". Даже рост глобализации не ведет к однородности: "однородность... [это] то, чем глобализация *не* является (курсив в оригинале)" [ibid.: 57]. Признавая, что страны должны приспосабливаться к тенденциям глобализации, Грей утверждает, что результатом присутствия на глобальных рынках "в каждом случае, включая Соединенные Штаты, будет порождение новых типов капитализма" [ibid.: 59]. Процессы глобализации сливаются с общественными. Общество адаптируется к ним, образуя не только отдельные капиталистические экономические и культурные формации, но и то, что Грей [ibid.: 57] называет "делокализацией". Даже повсеместное присутствие глобализирующихся коммуникаций не приводит, по его мнению, к "некому подобию конвергенции культур". Медиакомпании, заключает он, "меняют свой продукт, чтобы соответствовать разным культурам", а коммуникационные технологии не "указывают путь к универсальной цивилизации". Напротив, глобализация "действует, чтобы выразить и углубить культурные различия" [ibid.: 60]. То, что Грею [ibid.: 20] хотелось бы видеть на месте универсальной цивилизации (в рамках которой в настоящее время доминируют американские ценности), – это множественность культур; для него не существует западной цивилизации. Он призывает принять мировую экономику с "разнообразием культур, режимов и рынков как постоянную реальность". Для Грея [ibid.: 20], как и для Хантингтона, существуют американский, немецкий, британский, русский, японский, китайский и азиатский капитализмы. Он отвергает Просвещение как "универсальную цивилизацию, предполагающую превосходство Запада". "Глобальный свободный рынок" не ведет к "неумолимому продвижению особого типа западного капитализма", а он "порождает местные типы капитализма, которые мало связаны с какой-либо западной моделью" [ibid.: 3-4].

КУЛЬТУРА ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

И хотя историческая траектория капитализма порождает различные капиталистические формации, Грей не приводит убедительных доказательств того, что они явно представляют собой отдельные цивилизации. Им описано несколько гибридных форм экономической координации с национальными или региональными культурами. Заостряя внимание на различиях между разными странами, автор упускает из виду общее в них (все они "капиталистические" и имеют общие социальные черты, описанные в модели "индустриального общества"). Кроме того, игнорируются динамика и направление изменений. Вопрос о степени распространения и господства в обществе капитализма с его специфическими формами производства и финансов, мотивированностью рынком и склонностью к потреблению, недостаточно теоретически проработан; так, в капиталистическом мире существуют отдельные островки альтернативной культуры (религия, гендерные отношения и семья). То, что улавливается представлениями о "разновидностях капитализма", – это дифференциация экономических форм, которые может принимать капитализм, и поддерживающих его структур.

Следует проводить различие между культурой и цивилизацией. Освальд Шпенглер [Spengler 2013; цит. по: Chebankova 2021] определяет цивилизацию как "высшую и заключительную стадию культуры"; ей присуща "более высокая логика и рациональность, которые автоматически превращают веру в симулякр". Вместе с тем культура действует и на более низком уровне; она состоит из "веры, этики и символов". Различия, отмеченные в литературе о "разновидностях капитализма" и на которые опирается Джон Грей, определяются элементами культур. Данные элементы культур характеризуют собой, скорее, разновидности одной цивилизации, нежели отдельные и самостоятельные цивилизации. Но общие черты, присущие различным группам капиталистических обществ, зачастую игнорируются, а различиям придается чрезмерное значение. О "разновидностях капитализма" стали дискутировать в 1990-х годах, однако еще до этого многие ученые признавали наличие различных типов капитализма и путей, по которым современный капитализм развился из других формаций. Так, Макс Вебер проводил различие между диким (авантюристическим) капитализмом (*booty capitalism*), торговым капитализмом, современным капитализмом, монополистическим капитализмом, политическим капитализмом и капитализмом-изгоем. Главное различие Вебер проводил между политическим и современным капитализмом. В первом случае возможности для извлечения прибыли сопряжены с "эксплуатацией войны, завоеваний и привилегиями политического управления" [цит. по: Gerth, Mills 1948: 66]. Впрочем, прибыль приносят различные формы политического господства.

Как для Вебера, так и для Маркса критически важными переменными были экономическая система и экономические институты, но капитализм и капиталистический способ производства не ограничиваются экономическими институтами. Анализ должен учитывать, каким образом экономика встроена в политические и социальные институты, обеспечивающие лидерство, научные инновации, социальную сплоченность и/или формы разделения и конфликтов. Несомненно, капитализм формирует эти институты. *Acquis Communautaire* Евросоюза определяет для новых государств-членов, как должна функционировать капиталистическая система. Неолиберализм требует от государства соблюдения законов рыночной конкуренции. Для эффективного функционирования капиталистической рыночной экономике требуется совместимое с ней рыночное общество.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ИЛИ БЕЗ НИХ?

Социальная формация, предшествующая современному капитализму, оказывает формирующее влияние на его характер. Посткоммунистическая трансформация отличается от тех, которые рассматривались Марксом и Вебером, по многим причинам: государственные социалистические общества уже были развитыми формами индустриального общества, несмотря на отсутствие рынков, денег и банков (как инструментов накопления) и частной собственности. В институциональном смысле при формировании государственного социализма не было ни капиталистического класса, предрасположенного к накоплению, ни идеологии, симпатизирующей капиталистическим нормам. Социалистические общества, как утверждали Беатрис и Сидней Уэбб [Webb, Webb: 1935], сформировали новую цивилизацию. При трансформации постсоциалистических обществ некапиталистические черты взяты из совершенно иной формы. В отсутствие свободного рынка правительство выступало главным координатором экономики через обширную государственную собственность на ресурсы, полный контроль над денежной эмиссией и направлением инвестиций. Правительственное управление в значительной степени определяло уровни занятости, зарплат, а также разделения личных и коллективных расходов. Общество было более сплоченным.

В посткоммунистических экономиках, а также других развивающихся государствах многие компоненты капитализма скомпрометированы чужеродными чертами, зачастую коренящимися в докапиталистических формациях, – нерыночными экономическими отношениями, отсутствием комплементарной капиталистической идеологии, классов предпринимателей и капиталистов. Эти общества находятся в стадии перехода к капитализму. Таким образом, анализ должен учитывать не только *тип* капитализма, но и *стадию развития*, на которой он находится. Исходя из этого, общества государственного социализма следует считать не разновидностями капитализма, как полагал Валлерстайн, а разными цивилизационными типами. Холодная война представляла собой столкновение цивилизаций. Чтобы определить масштабы капитализма, нам необходимо принять во внимание размеры частной собственности в активах, наличие свободного рынка и либерального ценообразования, формы накопления капитала, интегрированность в глобальную экономику, механизмы координации капиталистических фирм, уровни перераспределения доходов и форм богатства, а также психологические, политические и идеологические аспекты. Как, к примеру, наследие плановой экономики с низкой заработной платой и полной занятостью повлияло на результаты рыночной трансформации? Научные исследования о разновидностях капитализма были посвящены развитым капиталистическим государствам – Западной Европе и США. Опубликованный в 2007 г. отредактированный том на эту тему содержал лишь несколько прикрепленных ссылок на постсоциалистические государства; Китай вскользь упоминается лишь один раз в контексте “развивающихся экономик” [Hancke, Rhodes, Thatcher 2007: 64]. Отчасти это обусловлено тем, что соответствующие кейсы не вписывались в парадигму “разновидностей капитализма”. Впрочем, Лейн и Мьянт [Varieties of Capitalism... 2007] обратили внимание на роль государства и дисфункции в отношениях рынка и общества.

После экономических реформ в Китае и его интеграции в мировой рынок группа стран, которые Валлерстайн называет полупериферией, стала самодостаточной и одновременно начала экономически конкурировать с запад-

ными державами, входящими в "ядро" мир-системы. Эти страны перешли от периферийной зависимости к устойчивой конкурентной взаимозависимости [Sbragia 2010]. Распад государственных социалистических обществ и последующее освоение ими частных форм собственности и рыночных механизмов максимизации прибыли свидетельствует о том, что анализ Валлерстайна верен. Их слабое место в том, что ими недостаточное внимание уделяется разнообразию и конфликтам между государствами и регионами, входящими в капиталистическое "ядро", и теми, что сейчас называют "восходящими государствами" (*rising states*), такими как Китай, Индия и Россия. Недостаточно освещаются политические аспекты этого конфликта. Продвижение этими "восходящими государствами" своих региональных геополитических интересов зачастую способно преодолевать глобальный интерес западного бизнеса, бросая вызов державам господствующего "ядра": иными словами, "ядру" мир-системы противостоит "противоядро" (*counter-core*), а входящие в него государства в целях легитимации своего суверенитета используют цивилизационную идентичность, основанную на традициях и историческом опыте.

Мы утверждаем, что восходящие нации можно рассматривать как относительно автономное экономическое образование (со специфическими культурными особенностями). Восходящие государства, такие как Китай и Россия, теперь образуют "полуядро" (*semi-core*), к которому мы причисляем страны, размещающие у себя иностранные предприятия и одновременно имеющие свои собственные национальные и международные экономические корпорации. Они представляют собой развитые устойчивые экономики. Китай стремится сохранить суверенитет государственной власти и одновременно укрепить геополитическую власть. Эту позицию разделяет и Россия. Вопрос, превратятся ли эти восходящие государства в некую форму "уравновешивающей" силы или даже отдельную социальную формацию? Они обладают многими качествами, характерными для описанной выше модели индустриального общества. Бранко Миланович [Milanovic 2019] предполагает, что они представляют уравновешивающие друг друга формы капитализма, частную и государственную, две его "разновидности". Примем во внимание и мнение Дж. Айкенберри [Ikenberry 2011] о том, что восходящие державы успешно интегрируются в либеральные институты, в этом случае долгосрочный сценарий предусматривает траекторию по линии, предложенной Валлерстайном и ведущей к унитарной мир-системе. В обоих этих сценариях не просматривается перспектив возникновения другой "цивилизации". В соответствии с ними конфликт между восходящими державами и гегемонистским ядром, особенно США, – это геополитический конфликт, а не разделение между цивилизационными альтернативами.

Если восходящие государства станут "разновидностью капитализма", то их претензии на цивилизационные различия будут основываться на гибридной логике, состоящей из элементов, заимствованных из капитализма, наследия традиционного общества и государственного социализма. По нашему мнению, следовало бы говорить лишь о культурном своеобразии. Если им удастся сформировать другой тип экономики (например, на основе государственного планирования и административной координации), это обеспечит материальный базис для другого типа "цивилизации". В этом случае добавление отличительных экономических основ социалистического типа к культурной формации означало бы переход от национальной экономики с социалистическими характеристиками к социалистическому обществу с национальными

характеристиками, – то есть от культурной формации при капитализме к социалистической цивилизации.

(Перевод с англ. С.В. Чугрова, В.В. Лапкина)

DOI: 10.17976/jpps/2021.04.06

CIVILISATION AND THE GLOBALISATION OF CAPITALISM

D. Lane[1]

[1] *Cambridge University. Cambridge, UK*

LANE, David, Emeritus Fellow of Emmanuel College, Cambridge University, Fellow of the Academy of Social Sciences, email: dsl10@cam.ac.uk

Lane D. Civilisation and the Globalisation of Capitalism. – Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 58-75. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06

Received: 21.02.2021. Accepted: 12.04.2021

Abstract. The paper addresses the rise of civilisations through economic complexes. Four economic bases to an urban-industrial civilisation are discussed: market society, industrialism, capitalism and socialism. The assumptions of 'classic liberalism' are shown to have affinities with 'classic Marxism': secularism, rationalism, humanism and freedom. Both schools of thought envisaged the Enlightenment as a movement leading to a universal civilisation. Theories of 'industrial society' are postulated as creating a modern civilisation which takes a global form. In this context, the economic basis of a universal civilisation is confronted by alternative forms of capitalism. Liberal and socialist forms of industrial and post-industrial societies claim to be separate forms of civilisation. The paper maintains that conflicts between different 'varieties of capitalism' do not constitute 'clashes between civilisations' but represent divergent geo-political interests. It is contended that the state socialist societies presented a different civilisational type of industrial society.

Keywords: civilisation, capitalism, culture and civilisation, Marxism, Polanyi, Wallerstein, socialism, China.

References

Amable B. 2003. *The Diversity of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press. 326 p. https://doi.org/10.1093/019926113X.001.0001

Bell D. 1961. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Consent in the Fifties*. New York: Free Press. 540 p.

Chebankova E. 2021. What is Civilization? Problems and Definitions. – *Civilizations and World Order.* Ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge. (In press)

Kerr C., Dunlop J.T, Harbison F.H., Myers C.A. 1962. *Industrialism and Industrial Man: The Problems of Labor and Management in Economic Growth*. London: Heinemann. 317 p.

Coates D. 2000. *Models of Capitalism: Growth and Stagnation in the Modern Era*. Cambridge: Polity Press. 320 p.

Engels F. 1884. *Origin of the Family.* URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/origin_family.pdf (accessed: 20.10.2020).

Fukuyama F. 1993. *The End of History and the Last Man*. New York: Avon Books. 418 p.

Gerth H.H., Mills C.W. 1948. *From Max Weber: Essays in Sociology*. London: Routledge. 504 p.

Gray J. 2002. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books.272 p.

Hall P.A., Soskice D. 2001. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press. 570 p.

Hancke B., Rhodes V., Thatcher M. 2007. *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*. Oxford: Oxford University Press. 456 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199206483.001.0001

Held D, McGrew A. 1998. The End of the Old World Order? Globalization and the Prospects for World Order. – *Review of International Studies.* Vol. 24. No. 5. P. 219-245. https://doi.org/10.1017/S0260210598002198

Hettne B. 2005. Regionalism and the World Order. – *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice.* Ed. by M. Farrell, B. Hettne, L.V. Langenhove. London: Pluto Press. P. 269-286.

Hobson J. A. 1902. *Imperialism: A Study.* New York: James Pott & Co. 400 p.

Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon and Shuster. 368 p.

Ikenberry J.G. 2011. The Future of the Liberal World Order: Internationalism after America. – *Foreign Affairs*. Vol. 90. No. 3. P. 56-68.

Kiernan V. 1983. History. – McLellan D. *Marx, the First Hundred Years*. Oxford: Fontana Paperbacks. P. 57-102.

Mann M. 1986. *The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Cambridge: Cambridge University Press. 578 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511570896

Marx K. 1853. *British Rule in India*. URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/1853/06/25.htm (accessed: 20.10.2020).

Marx K., Engels F. 1848. *The Communist Manifesto*. URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/1848/communist-manifesto/ch01.htm (accessed: 20.10.2020).

Milanovic B. 2019. *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*. Cambridge, MA: Belknap Press. 304 p.

Mill J.S. 1996. *Collected Works of John Stuart Mill. Vol. IIA. Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy*. Ed. by J.M. Robson. 548 p.

Mills W.C. 1962. *The Marxists*. New York: Dell Publishing. 480 p.

Polanyi K. 2001. *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Books. 357 p.

Sbragia A. 2010. The EU, the US, and Trade Policy: Competitive Interdependence in the Management of Globalization. – *Journal of European Public Policy*. Vol. 17. No. 3. P. 368-382. https://doi.org/10.1080/13501761003662016

Sklair L. 2002. *Globalization: Capitalism and Its Alternatives*. Oxford: Oxford University Press. 392 p.

Smith A. 1776. *An Inquiry into the Causes and the Nature of the Wealth of Nations*, Reprint. Oxford: Oxford University Press. URL: http://files.libertyfund.org/files/220/0141-02_Bk.pdf (accessed: 31.05.2021).

Spengler O. 2013. *The Decline of the West*. London: George Allen and Unwin. Vol. I: 486 p., Vol. II: 507 p.

Therborn G. 2008. *From Marxism to Post-Marxism*. London, New York: Verso. 208 p.

Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. 2007. Ed.by D. Lane, M. Myant. Basingstoke: Macmillan. 278 p. https://doi.org/10.1057/9780230627574

Wallerstein I.1979. *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Wallerstein I. 1991. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World System (Studies in Modern Capitalism)*. Cambridge: Cambridge University Press. 252 p.

Webb S., Webb B. 1935. *Soviet Communism: A New Civilisation*. London, New York: Longmans, Green & Co. Ltd. 1200 p.

Wirth L. 1964. Urbanism as a Way of Life. – *Louis Wirth on Cities And Social Life: Selected Papers*. Ed. By A.J. Reiss, Jr. Chicago: University of Chicago Press. P. 60-84.

Engels F. 1955. The Principles of Communism. (Russ. ed.: Engels F. Printsipy kommunizma. – Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 322-339).

Engels F. 1961. The Origin of the Family, Private Property and the State. (Russ. ed.: Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. – Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 21. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 23-178).

Lenin V.I. 1969. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma. Populyarnyi ocherk [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism. Popular Essay]. – Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 5th Edition. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 27. P. 299-426.

Marx K., Engels F. 1955. Communist Manifesto. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoi partii. – Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 419-459).

Marx K. 1957. British Rule in India. (Russ. ed.: Marx K. Britanskoe vladychestvo v Indii. – Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 9. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 130-136).

Polanyi K. 2002. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg: Aletheia. 320 p.).

Литература на русском языке

Ленин В.И. 1969. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. – Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы. Т. 27. С. 299-426.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест коммунистической партии. – Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. 2-е изд.* Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 419-459.

Маркс К. 1957. Британское владычество в Индии. – Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. 2-е изд.* Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 130-136.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Энгельс Ф. 1955. Принципы коммунизма. – *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 322-229.

Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 23-178.